

**Е. Ю. Волчегорская¹, М. В. Жукова², Е. В. Фролова³,
К. И. Шишкина⁴, Н. Д. Носкова⁵**

¹ORCID № 0000-0001-6764-7747

Профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики, психологии и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: volchegorskayaeu@cspu.ru

²ORCID № 0000-0003-1184-9977

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: gukovamv@cspu.ru

³ORCID № 0000-0001-5659-9284

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: frolovaev@cspu.ru

⁴ORCID № 0000-0003-0925-4616

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: shishkinaki@cspu.ru

⁵ORCID № 0000-0002-1897-2268

Магистрант кафедры педагогики, психологии и предметных методик, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: noskova.nata@gmail.com

БУЛЛИНГ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты изучения проявлений школьной травли среди 499 учащихся третьих и четвертых классов.

Цель — выявить особенности распределения буллинг-ролей

и степень подверженности виктимизации учащихся начальной школы.

Материалы и методы. Основными методами исследования являются: анализ научной литературы, посвященной проблеме буллинга в образовательной среде; методы диагностики, включающие тестирование с помощью опросника; опросник на выявление «буллинг-структуры» и The Multidimensional Peer Victimization Scale-24 (MPVS-24).

Результаты. Проанализированы эмпирические данные исследования распределения буллинг-ролей и проявлений виктимизации среди учащихся начальной школы.

Обсуждение. Подчеркивается, что с явлениями школьной травли с той или иной частотой сталкивается большинство учащихся начальной школы. Различия заключаются лишь в распределении буллинг-ролей: в четвертых классах больше детей, исполняющих активную роль. Представлены результаты изучения виктимного поведения и наиболее часто встречающихся видов виктимизации младших школьников.

Заключение. Подчеркивается, что проблема насилия в образовательной среде является актуальной для учащихся начальной школы.

Ключевые слова: насилие; буллинг; буллинг-структура; буллинг-роли; виктимизация; виктимное поведение; начальная школа.

Основные положения:

– выявлено, что проблема буллинга среди учащихся начальных классов является актуальной для современной системы начального общего образования;

– проведено эмпирическое исследование распространенности насилия среди учащихся начальных классов, буллинг-структуры и представленности различных форм виктимизации у младших школьников.

1 Введение (Introduction)

В настоящее время проблема насилия, агрессивного поведения и буллинга среди детей является одной из наиболее актуальных

и часто обсуждаемых как зарубежными, так и отечественными специалистами.

В странах Европы, США и Скандинавии травля в школе — проблема номер один, которой занимаются на самом высоком уровне. Актуальность проблемы школьного насилия подчеркивалась еще в 1905 году К. Дьюксом. Систематические исследования проблемы буллинга были предприняты скандинавскими учеными (Olweus, 1984, Heinemann, 1973, Pikas, 1975; 1976; 1989, Roland, 1983; 1988; 1989) которыми была разработана концепция буллинга (от англ. bully — заирать, приставать, издеваться, запугивать, тиранизировать) и дано определение понятия как осуществление притеснения, дискриминации, травли [1].

Согласно результатам исследований, только треть опрошенных ни разу не сталкивались с явлениями буллинга в роли жертвы. Около 60 % учащихся утверждают, что проблема насилия в школьной среде существует в форме унижения, сплетен, запугивания, физической агрессии [2].

Насилие в школе является широко распространенным явлением, но в России проблемы, связанные с буллингом, открыто обсуждают лишь в последние 5 лет.

Буллинг затрагивает все возможные сферы школьной жизни. В результате исчезает чувство безопасности у учеников и учителей, страдает физическое и психологическое здоровье всех участников образовательного процесса, качество и эффективность школьной жизни в целом. Чем реже ребенок подвергается травле, тем выше он оценивает уровень безопасности в школе и считает, что учителя и коллектив готовы его поддерживать [3].

Существует мнение, что травля — это естественное состояние детского коллектива, который находится в зоне недостаточного внимания педагога, поскольку детям определенного возраста необходимо научиться быть членом группы, научиться осознавать себя через сопоставление другим, ощущать принадлежность к «стае». Если дети увлечены общим делом, преследуют общую цель, имеют сходные интересы, то эта потребность реализуется. Если же этого нет, то искусственно созданная группа, например, школьный класс,

рано или поздно объединится против кого-то. Чем более ребенок не уверен в себе, чем больше зависит от мнения окружающих, тем вероятнее, что он будет участвовать в коллективной травле [4].

Учителя недооценивают частоту и объемы буллинга, прежде всего, в связи с тем, что плохо представляют себе все многообразие его проявлений, в основном они обращают внимание на физические формы буллинга, считая их наиболее опасными. В действительности же вербальные и косвенные формы буллинга травмируют психику детей гораздо больше.

Самыми распространенными формами буллинга принято считать вербальную (словесную) травлю, психологическую травлю, физическое насилие, вымогательство, кибербуллинг и телефонный буллинг [1].

Самая тяжелая для жертвы форма буллинга — психологический или поведенческий травля (остракизм/изгнание, исключение из социума), который выражается в отказе от взаимодействия с жертвой, исключения ее из общих игр, вплоть до отказа от нахождения рядом (например, сидеть за одной партой).

Физическое насилие — самый явный тип травли (избиение, нанесение ударов руками и ногами, пощечины, шлепки, подзатыльники, придушение, покушение на личную собственность и др.). Не заметить ее трудно, хотя сами дети сообщают о физической виктимизации менее, чем в 30 % случаев. Как правило, физическим издевательствам предшествуют вербальная и (или) поведенческая травля.

Кибербуллинг — буллинг, осуществляемый в информационном пространстве через информационно-коммуникационные каналы и средства. Интернет-травля осуществляется в виде оскорблений, угроз, разглашения компрометирующей информации с помощью современных средств коммуникации, в том числе мобильных телефонов. Большинство современных мобильных устройств являются миниатюрными портативными компьютерами, которые дети используют не только для того, чтобы разговаривать друг с другом. Они могут мгновенно передавать сообщения, отправлять тексты или видео, общаться в интернете, слушать музыку, смотреть клипы и фильмы, определять геолокацию друг друга, вести личные YouTube-каналы.

Телефон превращается в отличный инструмент для кибертравли, особенностью которой является анонимность [5].

Широко распространено мнение, что причинами травли являются особенности человека, отличные от привычных рамок (манера говорить, диалект, одежда, физические особенности и др.), однако ряд исследователей утверждает, что жертвой буллинга может стать любой человек [6; 7].

Достаточно большое количество работ посвящено явлениям школьной травли среди подростков и юношей, однако сегодня становится актуальной проблема ранних проявлений буллинга. Настоящее исследование посвящено выявлению уровня виктимизации и буллинг-структуры у учащихся начальных классов.

2 Материалы и методы (Materials and methods)

Выборку составили 499 человек — учащиеся третьих (261 чел.) и четвертых (238 чел.) классов в возрасте от 9 до 11 лет. Среди них 263 девочки и 236 мальчиков.

В качестве инструмента исследования ролей и позиций, занимаемых учащимися в буллинге, нами был выбран опросник Е. Г. Норкиной на выявление «буллинг-структуры». Опросник состоит из 25 вопросов, три из которых позволяют узнать о наличии насилия в классе, как со стороны учеников, так и педагогов. Данная методика дает возможность определить буллинг-позицию ребенка: инициатор (агрессор), помощник, защитник, жертва и наблюдатель [8].

Для исследования прямой и косвенной виктимизации применялась адаптированная методика The Multidimensional Peer Victimization Scale-24 (MPVS-24), предназначенная для оценки прямой и косвенной виктимизации: 24 форм, виктимизирующих действий [9]. Нами были изучены 6 видов виктимизации (физическая, вербальная и электронная виктимизация, социальная манипуляция, социальное отвержение, нападение на собственность).

3 Результаты (Results)

Опросник на выявление «буллинг-структуры» позволил выяснить, что 72 % опрошенных за последние три месяца сталкивались с явлениями насилия в школе, 28,26 % младших школьников отмечают, что драки и ссоры происходят в классе постоянно, при-

чем 5,61 % считают это естественным и абсолютно нормальным («конечно, так и должно быть»), 32,67 % детей отмечают наличие в классе сверстников, которых все боятся, 6,41 % респондентов к таковым относят себя.

Младшие школьники (78,56 %) признались, что в классе есть ребята, которые неприятны большинству; 77,35 %, что нуждаются в поддержке одноклассников; 71,74 % испытывают чувство тревоги и одиночества; 70,54 % утверждают, что в классе есть пара ребят, на которых все равняются, даже если они этого не заслуживают; 61,52 % признались, что в классе есть один или несколько человек, с кем никто не дружит; 54,91 % считают, что их недооценивают в коллективе; 47,49 % хотели бы учиться в другом классе или школе; 43,49 % чувствуют, что с ними не хотят дружить одноклассники; 43,29 % огорчаются, когда не пользуются успехом в классе; 33,47 % признались, что не будут дружить и общаться с человеком с изъянами во внешности (бородавки, косоглазие, ожирение); 5,41 % признались, что снимут на телефон и разместят в интернете драку между одноклассниками. Распределение буллинг-ролей представлено в таблице (Таблица 1).

Таблица 1 — Распределение буллинг-ролей

Table 1 — Distribution of bullying roles

Буллинг-позиция	Третий класс		Четвертый класс		Всего	
	N	%	N	%	N	%
Инициатор	56	22,05	37	15,68	93	18,98
Помощник	16	6,30	30	12,71	46	9,39
Защитник	123	48,43	109	46,19	232	47,35
Жертва	44	17,32	42	17,80	86	17,55
Наблюдатель	15	5,91	18	7,63	33	6,73
Итого:	254	100,00	236	100,00	490	100,00

Из полученных данных мы видим, что дети больше всего выступают в роли защитников — в третьих классах 48,43 % детей и 46,19 % в четвертых классах. В третьих классах 22,05 % инициаторов и лишь 6,3 % помощников, в том время как в четвертых клас-

сах — 15,68 % инициаторов и 12,71 % помощников. Это говорит о том, что к четвертому классу уже сформированы группы, в которые учащиеся объединяются против одноклассников. Количество пострадавших и в третьих, и в четвертых классах примерно одинаковое — 17,32 % в третьих классах и 17,80 % в четвертых. Наблюдателями остается меньшинство — 5,91 % в третьих классах и 7,63 % в четвертых.

Методика The Multidimensional Peer Victimization Scale-24 позволила выявить, что лишь незначительное количество детей (4,60 % учащихся третьих классов и 5,04 % учащихся четвертых классов) никогда не подвергались виктимизации. Результаты представлены в таблице (Таблица 2).

Таблица 2 — Показатели виктимизации учащихся

Table 2 — Student victimization Indicators

Общая выборка, 499 человек	Количество человек (Ни разу)		Количество человек (Один раз)		Количество человек (Более одного раза)	
	N	%	N	%	N	%
Прямой буллинг						
Физическая виктимизация	135	27,05	156	31,26	208	41,68
Вербальная виктимизация	109	21,84	159	31,86	231	46,29
Нападение на собственность	152	30,46	177	35,47	170	34,07
Косвенный буллинг						
Социальное манипулирование	188	37,68	154	30,86	157	31,46
Социальное отвержение	132	26,45	169	33,87	198	39,68
Кибер-буллинг						
Электронная виктимизация	303	60,72	90	18,04	106	21,24

Данные исследования свидетельствуют о том, что 78,16 % детей подвергались оскорблениям, из них 46,29 % более одного раза; 73,55 % младших школьников испытали социальное отвержение, из них 39,68 % более одного раза; 72,95 % респондентов столкнулись с физическим насилием, из них 41,68 % более одного раза; 69,54 % младших школьников подвергались нападениям на собственность, из них 34,07 % более одного раза; 62,32 % испытуемых подверглись косвенной травле в виде социального манипулирования, из них 31,46 % более одного раза; 39,28% детей столкнулись с кибер-буллингом (унижением с помощью цифровых технологий: обидные комментарии в интернете, соцсетях, мессенджерах и пр.), из них 21,24 % более одного раза.

Больше всего распространены вербальная (78,2 %) и социальная агрессия (73,5 %). Это грубые и обидные комментарии, оскорбительные жесты, демонстративное отвержение — например, нежелание разговаривать с одноклассником. С физическими нападениями сталкивались 72,9 %, с нападением на собственность — 69,5 %, с социальным манипулированием — 62,3 %, с преследованием одноклассников в интернете — 39,3 % респондентов.

Доля жертв регулярного буллинга, тех, кто столкнулся с явлениями виктимизации более 1 раза, тоже варьируется в зависимости от типов. Лидирует вербальная травля (46,29 %) и физическая агрессия (41,68 %).

Более одного раза за последнее время от вербальной агрессии страдали 46,29 % опрошенных, один раз столкнулись с ней 31,86 %, ни разу — 21,84 %. Физическим издевательствам свыше одного раза подвергались 41,68 % респондентов, один раз — 31,26 %, ни разу — 27,05 %. По социальному отвержению соответствующие цифры — 39,68 %, 33,87 % и 26,45 %, по нападению на собственность — 34,07 %, 35,47 %, 30,46 %, по социальному манипулированию — 31,46 %, 30,86 %, 37,68 %, по кибертравле — 21,24 %, 18,04 % и 60,72 % опрошенных.

4 Обсуждение (Discussion)

Наше исследование установило, что большая часть младших школьников регулярно сталкивается с проблемами насилия в клас-

се; третья часть испытуемых отметили, что выступают в роли инициаторов или помощников травли, а пятая часть — в роли жертвы.

Имеются различия в распределении буллинг-позиций у учащихся третьих и четвертых классов количество участников травли в четвертых классах больше, чем в третьих, что свидетельствует о том, что к окончанию начальной школы формируются устойчивые группы детей, склонных к буллингу.

Анализ полученных результатов показал, что большая часть детей за последнее время так или иначе оказывалась в ситуации травли, и только десятая часть младших школьников никогда не подвергалась виктимизации.

Чаще всего респонденты испытывают вербальную, физическую и социальную, реже — электронную виктимизацию.

5 Заключение (Conclusion)

Результаты проведенного исследования позволяют рассматривать проблему буллинга как достаточно актуальную для современной системы образования. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что проявления насилия характерны уже для детей младшего школьного возраста и требуют внимания с точки зрения выбора форм, средств и методов предупреждения ранней виктимизации детей.

6 Благодарности (Acknowledgments)

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 01.06.2020 г. № 16-291 по теме «Профилактика отклоняющегося поведения у младших школьников».

Библиографический список

1. Rachel E. Maundera, Sarah Crafter (2018), "School bullying from a sociocultural perspective", *Aggression and Violent Behavior*, 38, 13–20. DOI: 10.1016/j.avb.2017.10.010.
2. Тимерьянова Л.Н. Изучение проявлений буллинга в образовательной среде // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 341–344.
3. Новикова М. А., Реан А. А. Семейные предпосылки вовлеченности ре-

бенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 112–120.

4. Oldenburg B., Duijn M., Sentse M., Huitsing G., Ploeg R., Salmivalli C. & Veenstra R. (2015), “Teacher Characteristics and Peer Victimization in Elementary Schools: A Classroom-Level Perspective”, *J Abnorm Child Psychol*, 43, 33-44. DOI: 10.1007/s10802-013-9847-4.

5. Ortega-Barón J., Torralba E. & Buelga S. (2018), “Psychological distress among adolescents victims of cyberbullying”, *Revista de Estudios e Investigación en Psicología y Educación*, 4 (1), 10–17.

6. Бутенко В. Н., Сидоренко О. А. Буллинг в школьной образовательной среде : опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 3. С. 138–143.

7. Волкова И. В. Характеристика подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. 2016. № 2. С. 26–33.

8. Норкина Е.Г. Методика на выявление «Буллинг-структуры» // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 170-174.

9. Joseph S. & Stockton H. (2018), “The multidimensional peer victimization scale: a systematic review”, *Aggression and Violent Behavior*, 42, 96-114. DOI: 10.1016/j.avb.2018.07.009.

**Ye. Y. Volchegorskaya¹, M. V. Zhukova², Ye. V. Frolova³,
K. I. Shishkina⁴, N. D. Noskova⁵**

¹ORCID No. 0000-0001-6764-7747

Professor, Doctor of Pedagogic Sciences,

Head of the Department of pedagogy, psychology and subject methods,
South-Ural state Humanities-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: volchegorskayaeu@cspu.ru

²ORCID No. 0000-0003-1184-9977

Candidate of Pedagogic Sciences,

Associate Professor at the Department of pedagogy,
Psychology and subject methods, South-Ural state Humanities-Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: gukovamv@cspu.ru

³ORCID No. 0000-0001-5659-9284

Candidate of Pedagogic Sciences,

Associate Professor at the Department of Pedagogy,
Psychology and subject Methods, South-Ural state Humanities-Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: frolovaev@cspu.ru

⁴ORCID No. 0000-0003-0925-4616

Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor at the Department of Pedagogy,
Psychology and subject Methods, South-Ural state Humanities-Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: shishkinaki@cspu.ru

⁵ORCID No. 0000-0002-1897-2268

Master's student of the Department of Pedagogy,
Psychology and subject methods, South-Ural state Humanities-Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: noskova.nata@gmail.com

BULLYING AS AN ACTUAL PROBLEM OF MODERN PRIMARY SCHOOLS

Abstract

Introduction. The article presents the results of studying the manifestations of school bullying among 499 third and fourth grade students.

The goal is to identify the distribution of bullying roles and the degree of victimization of primary school students.

Materials and methods. The main research methods are: analysis of scientific literature on the problem of bullying in the educational environment; diagnostic methods, including testing using the questionnaire questionnaire to identify the “bullying structure” and The Multidimensional Peer Victimization Scale-24 (MPVS-24).

Results. Empirical data on the distribution of bullying roles and victimization among primary school students are analyzed.

Discussion. It is emphasized that with the phenomena of school bullying with varying frequency, the majority of primary school students. The only difference is in the distribution of bullying roles: there are more children in the fourth grade who play an active role. The results of the study of victim behavior and the most common types of victimization of primary school children are presented.

Conclusion. It is emphasized that the problem of violence in the educational environment is relevant for primary school students.

Keywords: Violence; Bullying; Bullying structure; Bullying roles; Victimization; Victim behavior; Primary school.

Highlights:

It is revealed that the problem of bullying among primary school students is relevant for the modern system of primary General education;

An empirical study was conducted on the prevalence of violence among primary school students, the bullying structure, and the representation of various forms of victimization in younger students.

References

1. Rachel E. Maundera, Sarah Crafter (2018), "School bullying from a sociocultural perspective", *Aggression and Violent Behavior*, 38, 13–20. DOI: 10.1016/j.avb.2017.10.010.
2. Timer'yanova L.N. (2020), *Izuchenie proyavlenij bullinga v obrazovatel'noj srede* [Study of bullying in the educational environment]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 66-1. 34–344. (In Russian).
3. Novikova M.A. & Rean A.A. (2018), *Semejnye predposylki vovlechenosti rebenka v shkol'nuyu travlyu: vliyanie psihologicheskikh i social'nyh harakteristik sem'i* [Family background of child involvement in school bullying: influence of psychological and social characteristics of the family]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 23, 4. 112-120. (In Russian).
4. Oldenburg B., Duijn M., Sentse M., Huitsing G., Ploeg R., Salmivalli C. & Veenstra R. (2015), "Teacher Characteristics and Peer Victimization in Elementary Schools: A Classroom-Level Perspective", *J Abnorm Child Psychol*, 43, 33-44. DOI: 10.1007/s10802-013-9847-4.
5. Ortega-Barón J., Torralba E. & Buelga S. (2018), "Psychological distress among adolescents victims of cyberbullying", *Revista de Estudios e Investigación en Psicología y Educación*, 4 (1), 10–17.
6. Butenko V.N. & Sidorenko O.A. (2015), *Bulling v shkol'noj obrazovatel'noj srede: opyt issledovaniya psihologicheskikh osobennostej "obidchikov" i "zherty"* [Bullying in the school educational environment: the experience of studying the psychological characteristics of «abusers» and «victims»]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 3, 138–143. (In Russian).
7. Volkova I.V. (2016), *Harakteristika podrostkovogo bullinga i ego opredelenie* [Characteristics of adolescent bullying and its definition]. *Vestnik Minskogo universiteta*, 2, 26–33. (In Russian).

8. Norkina E.G. (2016), *Metodika na vyyavlenie "Bulling-struktury"* [Methodology for identifying the «Bullying structure»]. *Tavrisheskij nauchnyj obozrevatel'*, 3 (8), 170–174. (In Russian).

9. Joseph S. & Stockton H. (2018), "The multidimensional peer victimization scale: a systematic review", *Aggression and Violent Behavior*, 42, 96–114. DOI: 10.1016/j.avb.2018.07.009.

